

мену детрадиционализации [7] [2]. Отмечая, что традиции продолжают составлять один из элементов обществ высокого модерна, Э. Гидденс, вместе с тем, указывает, что в условиях поздней современности, для которой характерны неустойчивость, риск и рефлексивность, культурные традиции сохраняются лишь постольку, поскольку они доступны для дискурсивного оправдания и готовы к открытому диалогу не только с другими традициями, но и с альтернативными, нетрадиционными образами действия.

Литература и источники

1. O'Brien, R. *Global Financial Integration: The End of Geography* / Richard O'Brien. – London, 1992.
2. Thompson, J.B. *Media and Modernity: A Social Theory of the Media* / J.B. Thompson. – Cambridge, 1995.
3. Бауман, З. *Глобализация. Последствия для человека и общества* / З. Бауман; пер. с англ. – М., 2004.
4. Бодрийар, Ж. *Пароли. От фрагмента к фрагменту* / Ж. Бодрийар. – Екатеринбург, 2006.
5. Бурдьё, П. *О телевидении и журналистике*: пер. с фр. / Пьер Бурдьё; предисл. Н. А. Шматко. – М., 2002.
6. Гидденс, Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*: пер. с англ. / Э. Гидденс. – М., 2004.
7. Землянова, Л. М. *Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике* / Л. М. Землянова // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – 2002. – № 5. – С. 83–97.
8. Кастельс, М. *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе*: перевод с английского / Мануэль Кастельс. – Екатеринбург, 2004.
9. Кириллова, Н. Б. *Медиакультура: от модерна к постмодерну* / Н. Б. Кириллова. – М., 2006.
10. Клушина, Н. И. *Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль* / Н. А. Клушина // Русская речь. – №1. – 2014. – С. 66–73.
11. Луман, Н. *Реальность массмедиа*: пер. с нем. / Никлас Луман; Российская академия наук, Институт философии. – М., 2012.
12. Фридман, Т. *Плоский мир: краткая история XXI века*: пер. с англ. / Томас Фридман. – М., 2007.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

А. П. Мядель

Важнейшей задачей системы образования как социального института является воспроизводство определенного типа духовности адекватного условиям существования социума. Детерминация социальной и духовной жизни, ранее идущая от общезначимых представлений о долге, чести и совести, от этических и эстетических регуляторов, все чаще сменяется технологической детерминацией, обусловленной процессом глобализации, выступающей, как правило, средством навязывания западной системы ценностей. Общечеловеческие ценности являются изначально релятивистским понятием, амбивалентность которых заложена как неоднозначности понятия «ценность», так и противоречивости понятия «общечеловеческой», что особенно отражается на попытке исследования духовных ценностей. Принципиальную угрозу созидательной духовности несет утилитаристская направленность современной глобализации, в которой идея свободного рынка не только превалирует, но и является своеобразным критерием цивилизованности. Личность духовная, детерминируемая духовной сферой общественной жизни, культурой, превращается в фрагментарный и несамостоятельный человеческий фактор, управляемый техникой. Взаимодействие людей с внешней средой и друг с другом становятся прерогативой техники и технологии. Завышенные притязания, характерные для эмансипирующейся личности глобального мира не могут быть удовлетворенными у всех без исключения. Очевидно, что личность, решившая поставить принцип гедонизма в центр своих жизненных стратегий, должна отказаться от таких качеств, как социальная ответственность, коллективная идентичность, гражданский долг. Более того, она прямо заинтересована в ослаблении социальных регуляторов и нормативов, обеспечивающих социально одобряемое поведение.

Современный опыт, связанный со стремлением использования глобализации в качестве инструмента реализации проектов мирового господства отдельно взятой страны, или группы стран,

попытка поставить информационные технологии, транснациональный капитал на службу замыслов превращения планеты в зону тех или иных «национальных интересов» свидетельствуют об амбивалентности процессов глобализации. Существующие условия культурно-цивилизационного роста позволяют с высокой степенью вероятности предполагать, что векторы культурной и цивилизационной эволюции далеко не совпадают и их соотношения варьирует в достаточно широком диапазоне различий, определяя важнейшие качественные характеристики общества.

Главным источником жизненных смыслов индивида выступает исторически сложившаяся национальная культура. Именно она формирует основу самосознания личности и определяет духовное содержание ее бытия. Утрата культурных корней несет угрозу психологической дезориентации, потери вектора духовного развития индивида. Ценностная деструкция и конструирование искусственной идентичности служат маркером кризиса социума и находят свое выражение в религиозном фундаментализме и радикальном национализме. В итоге возникает конфликт между выросшим самосознанием личности, культурной идентичностью и расширившимися международными коммуникациями. Предлагаемые стратегии его разрешения характеризуются полярностью суждений: от безоговорочного включения в процессы глобализации до обособления в границах национально-государственных или этническо-религиозных сообществ. Фиксируя тенденцию возникновения жестких, в том числе государственных, форм национализма нельзя не учитывать и конструктивный аспект этого явления. Он состоит в формировании противовеса дегуманизирующим и десоциализирующим последствиям глобализации. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема поиска новых форм сосуществования различных культур и традиций в глобализирующемся мире. Идентичность оказывается в центре стремительно меняющейся социокультурной реальности. Именно идентичность соединяет между собой звенья триады «личность – общество – культура». Вместе с тем, рассматривая поиск новой идентичности как один из определяющих векторов социокультурной динамики современного общества, следует скорее говорить о непрерывном процессе самоидентификации, в ходе которого социальный актор узнает себя, конструирует и меняет жизненные смыслы.

Национальная идентичность – это сложный многомерный, многогранный феномен, исследование которого включает социальные, социально-философские, психологические, культурологические, собственно этнические аспекты. Особенностью современных идентификационных процессов является столкновение дискурсов традиционного, модерного и постмодерного обществ. Наслоение дискурсов как раз и порождает расколотость идентичности. Ключевой оказывается задача поиска такого дискурса, который придал бы социуму целостность и ценностную укорененность.

Разнообразие способов достижения и декларирования национальной идентичности существенно затрудняет ее точное определение. При ее конструировании имеют значение как примордиальные факторы или символы (исторические, территориальные, культурные, языковые), так и конструктивистские подходы, согласно которым национальная идентичность предстает как некий социальный конструкт, «воображаемая сущность»: то, что мы думаем о самих себе, то к чему стремимся. Ситуация осложняется тем, что нет не только единого алгоритма возникновения и функционирования национальных движений, современных наций и национальных государств, но и те нормы, которые существуют, пришли в движение и перестают «работать» в условиях глобализации.

Для определения национальной идентичности представляется целесообразным обращение к понятию нации. При этом существующие традиционные подходы (примордиализм, конструктивизм, инструментализм, либерализм), как показывает концептуальный анализ теоретических споров, не отражают всей сложности этого многогранного социального феномена. В первую очередь это связано с неопределенностью, неустойчивостью современного социального ландшафта, противоречивостью и разнонаправленностью тенденций развития современной цивилизации (национальное единство и мультикультурализм, глобализация и локализация, международная миграция населения). Данные процессы вносят свои коррективы в прежние трактовки понятия нации. В этой ситуации для адекватного вызова стремительно меняющейся социальной реальности описания феномена нации перспективным представляется обращение к категории национальной идентичности. Категория национальной идентичности в условиях глобализации может дополнить смысловым содержанием более привычные для традиционных подходов понятия национальное самосо-

знание, национальный характер и другие. Исследование проблем национально-культурной идентичности Беларуси в современном мире представляется актуальным и принципиально важным для понимания и прогноза дальнейшего развития и модернизации белорусского общества.

УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ

Г. Ж. Джуманова

Стратегической целью Казахстана является вхождение в 30-ку развитых государств мира, достижение экономического роста и благосостояния народа. Необходимое условие реализации данной цели – это формирование целостной гражданской общности, укрепление казахстанской идентичности, духовного, культурного, национального самоопределения.

Идентичность рассматривается как «самоотождествление себя с общностью, представление о ней, эмоциональное переживание этих представлений и готовность действовать» [1, с. 7]. Идентичность – это самосознание, самоопределение, ответы на вопросы: «Кто мы?», «Какие мы?». Идентичность многомерна, различают половую, возрастную, национальную, религиозную, государственную и другие ее виды. «Национальная идентичность – это показатель того, насколько граждане страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность» [1, с. 7]. В международной практике такая идентичность интерпретируется как гражданская идентичность.

В многонациональном и многоконфессиональном Казахстане гражданская идентичность также является надежным фундаментом устойчивого и успешного социально-экономического, политического, культурного развития государства. Народ Казахстана, или казахстанцы, рассматриваются не как этническая, а гражданская общность, состоящая из людей разных национальностей. Гражданская идентичность выдвигает в качестве приоритетных общеказахстанские, консолидирующие ценности, как: верховенство права, гражданское равенство; светская страна – страна толерантности; трудолюбие; честность; культ учености и образования [2]. При этом основополагающей, системообразующей национальной идеей Казахстана является идея Мәңгілік Ел (Вечная страна). По мнению Президента РК Н. А. Назарбаева, государство должно себя позиционировать в мире под определенным брендом и предложил дополнительное название для Казахстана – «Страна великой степи». Япония известна миру как «страна восходящего солнца», Корея – как «страна утренней свежести», Нидерланды – как «страна тюльпанов», Китай – как «Поднебесная» [3].

Основу идентичности составляет постижение народом собственной этнической уникальности и самобытности: истории, культуры, традиций, верований, языка, т. е. генетического кода нации. В условиях глобализирующегося, более открытого, кардинально изменяющегося, взаимозависимого мира, когда размывается национальная специфика, необходимо собирать, хранить культурное достояние, укреплять национальную культуру и традиции, ценности, язык, духовность во всем их многообразии и величии. Без культурных, духовно-нравственных ценностей, консолидирующих общество, невозможно создать эффективную экономику, модернизировать все сферы общества. Культурное разнообразие и взаимодействие обогащает культуры всех этносов, проживающих в республике, является гарантией дальнейшего прогресса Казахстана.

Важность опоры на собственные национально-культурные корни, традиционную идентичность при проведении системных реформ и модернизации свидетельствует опыт зарубежных стран. Так, предпосылки динамичного экономического развития, модернизации Японии находятся в ее национальной культуре, традиционных ценностях (синтоистских, буддийских, конфуцианских), этических добродетелях таких, как трудолюбие, прилежание, дисциплина, умеренность, аскетизм, бережливость, преданность, коллективизм, лояльность. Эти ценности пронизывали все японское общество и стали идеалом всех классов, внесли вклад в интеграцию социума, содействовали индустриализации и модернизации Страны восходящего солнца. Наряду с этими ценностями у японцев был развит интерес к индивидуальным достижениям, личному успеху. «Комбинация индивидуалистического желания преуспеть с коллективистскими целями в идеологии стала тем, что помогло ускорить темпы экономических и социальных изменений и в то же время включить индивидуальные усилия в структуру национальных целей» [4].